

А. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ,
комиссар Гренадерского полка

ОКТАБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Когда 21 октября 1917 года тов. Анда принесла мне мандат от Военно-революционного комитета Петроградского Совета, в котором значилось, что я назначаюсь комиссаром своего запасного огнемётно-химического батальона,¹ я понял, что мы входим в полосу вооружённого восстания. До сих пор проводниками нашего влияния в полках были исключительно партийные большевистские коллективы. Институтом комиссаров Петроградский Совет хотел уже не только идейно, но и организационно подчинить себе все полки петроградского гарнизона, вырвав их из-под власти контрреволюционного штаба Петроградского военного округа.

Получив мандат, я, прежде всего, отправился к солдатам сообщить им о моем назначении и дать в качестве комиссара первые необходимые указания. По всем ротам я собрал общие собрания солдат и, сделав небольшой доклад по текущему моменту, объяснил смысл и цель моего назначения. Я указал на то, что контрреволюция, группирующаяся вокруг Временного правительства, в настоящее время мобилизует свои силы, и поэтому Петроградский Совет более чем когда бы то ни было нуждается в поддержке выбравших его рабоче-крестьянских масс. Положение чрезвычайно острое, — говорил я.

¹ Часть, в которой я в то время служил младшим офицером.
(Примеч. автора.)

Вопрос может встать так: или Временное правительство, или Совет Рабочих и Солдатских Депутатов. Поэтому полки петроградского гарнизона должны быть готовы каждую минуту выступить с оружием в руках в защиту своего выборного органа. Солдаты дружными аплодисментами приветствовали мои слова, и, когда я в заключение заявил, что отныне ни одно распоряжение командира батальона не может быть исполнено солдатами без моего подтверждения, все единодушно обещали принимать распоряжения только от меня. Настроение солдат было вполне сознательное и революционное. Помню, в одной роте, когда я закончил свое сообщение, у кого-то из солдат вырвался искренний радостный возглас: «Давно бы пора так!».

Предупредив таким образом все роты и чувствуя за собой поддержку солдат, я решил поставить в известность о моем назначении и самого командира батальона. Для этого я, не теряя времени, направился в штаб батальона, помещавшийся отдельно от казарм, в которых жили солдаты. Командира батальона гвардии полковника Мартюшова в своем кабинете не было, и принял меня его помощник, поручик Надеждин. Заслушав мое сообщение и прочтя мой мандат, он поднял на меня свои холодные стальные глаза и бесстрастным голосом ответил:

— Мы принимаем распоряжения и назначения только от штаба Петроградского военного округа. Вы, как офицер, должны были бы это знать.

Я вспыхнул.

— Хорошо, — сказал я, — попробуйте действовать помимо меня, но только помните, что ни одно ваше распоряжение без моей заверки не будет выполнено солдатами.

Глаза поручика Надеждина на мгновение блеснули злобой, но он овладел собой и, пожав плечами, сказал:

— Хорошо, я передам ваши слова командиру, но только помните, что вы играете опасную игру.

Я ничего не ответил, поклонился и вышел из комнаты. Мне нужно было спешить в Смольный, где от Николая Ильича Подвойского я должен был получить дальнейшие инструкции. Быстро на трамвае доехал я до Смольного и почти бегом поднялся в третий этаж, где в небольших комнатах раньше ютилась военная секция Петро-

градского Совета, а теперь помещался Военно-революционный комитет.

Здесь всё волновалось и кипело. Поминутно приходили и уходили люди, получавшие те или иные распоряжения. Почти в самых дверях столкнулся я с нашим военно-партийным работником подпоручиком пулеметного полка Тарасовым-Родионовым. Он вместе со мною прошел в ту комнатку, где сидели члены Военно-революционного комитета, и здесь поведал свою чрезвычайно любопытную историю. Оказывается, штаб Петроградского военного округа для собственной самообороны решил установить на крыше пулеметный отряд и командование этим отрядом поручил... подпоручику Тарасову-Родионову. Конечно, это было сделано в полном неведении того, что тов. Тарасов-Родионов является большевиком и притом активным работником. Получалась любопытная картина — большевик, охраняющий штаб Петроградского военного округа от большевиков. Тарасов-Родионов пришел сейчас в Военно-революционный комитет спросить инструкции как ему быть: отказаться ли от этого назначения, или принять его с тем, чтобы использовать свое положение в интересах Военно-революционного комитета. Насколько мне помнится, решение Военно-революционного комитета было принято в духе этого последнего предложения. Тов. Тарасову-Родионову была дана инструкция сформировать пулеметный отряд из наиболее надежных большевиков с тем, чтобы в нужный момент ударить войскам Временного правительства в тыл.

Прослушав с большим интересом обсуждение этой инструкции, я отправился в другую комнату разыскивать нужного мне Николая Ильича Подвойского. Тов. Подвойского я застал разговаривающим с каким-то неизвестным мне подпоручиком.

— А! Вот вы очень кстати! — обрадовался тов. Подвойский, увидя меня, — поезжайте-ка вы в Гренадерский полк, там у нас до сих пор нет комиссара.

— Но ведь я, Николай Ильич, только что получил назначение комиссаром в свой запасный огнеметно-химический батальон, — напомнил я ему. — Ничего, вы будете совмещать, — ответил мне Подвойский, — ведь обе эти части расположены на Петроградской стороне и не так далеко одна от другой. Имейте в виду, что это на-

значение весьма ответственное. Гренадерский полк принимал активное участие в июльских событиях, за это подвергся репрессиям со стороны Временного правительства, и теперь настроение в нем довольно упадочное. Между тем для нас весьма существенно держать этот полк в своих руках.

Разговаривавший до меня с тов. Подвойским офицер сейчас же представился мне подпоручиком Гренадерского полка Никоновым и также стал убеждать меня принять это назначение.

— Я сам бы мог быть комиссаром своего полка, — заявил он мне между прочим, — так как я тоже большевик, но мне это не так удобно, так как большевиком я сделался недавно, а до июльских дней был активным противником большевизма, и все в полку это прекрасно знают.

Я не возражал против этого нового назначения, и через несколько минут тов. Подвойский вручил мне в руки следующий мандат:

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ПЕТРОГРАДСКОГО СОВЕТА
РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ
ВОЕННЫЙ ОТДЕЛ

22 октября 1917 года
№ 1109

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Товарищ прапорщик Ильин делегируется комиссаром от Военно-Революционного Комитета при Петроградском Совете Рабочих и Солдатских Депутатов в Гв. Гренадерский полк.

Председатель *Б. Лазимир*

За секретаря *Н. Подвойский*

Получив от Подвойского необходимые инструкции и обещав поддерживать с ним постоянную телефонную связь, я, в сопровождении подпоручика Никонова, отправился в запасный гвардии Гренадерский полк вступить в исполнение своих новых обязанностей.

В Гренадерском полку я встретил довольно своеобразную и любопытную картину. Прежде всего, я установил, что командир полка, фамилии которого я, к сожалению, не помню, не пользуется абсолютно никакой властью и всеми делами заправляет полковой комитет, состоящий почти поголовно из левых эсеров. Партия левых эсеров тогда еще только образовалась и представляла собой хотя и дружественную нам, но чрезвычайно болотистую организацию. Так было и здесь. Члены полкового комитета встретили меня довольно любезно и на экстренно созванном собрании комитета единогласно утвердили меня в моих правах, но за всем этим чувствовалась какая-то недоговоренность, и я понимал, что на этих «друзей» особенно полагаться не следует. Друзьями они являются только до поры до времени.

Совсем иное отношение встретил я со стороны общего собрания солдат, которое я сейчас же созвал вслед за утверждением меня комитетом полка. Здесь я сделал большой доклад о настоящем политическом моменте и с первых же своих слов почувствовал нити доверия, которые протянулись между мной и слушавшей меня аудиторией. Доклад мой часто прерывался возгласами «правильно!», а когда я закончил и предложил резолюцию с выражением готовности встать как один на защиту Петроградского Совета, за мою резолюцию поднялся целый лес мозолистых солдатских рук.

Убедившись, что со стороны солдат Гренадерского полка я встречу полную поддержку своим мероприятиям, я направился в запасный огнеметно-химический батальон сообщить о своем новом назначении. Дорогой я обдумал свое положение и решил, что мне целесообразнее всего обосноваться в Гренадерском полку, как имеющем наибольшее боевое значение, а с запасным огнеметно-химическим батальоном поддерживать, главным образом, телефонную связь и лишь изредка наведываться в него. Придя в батальон я, прежде всего, устроил небольшое заседание с руководителями большевистской ячейки и информировал их о политическом положении и о своих ближайших предположениях. Товарищи приветствовали мое назначение в Гренадерский полк, считая контакт с такой крупной воинской единицей для нашего батальона, слабого по численности и вооружению, весьма полезным. Также одобрили они мое намерение обосноваться

в Гренадерском полку и нашли нужным поставить перед батальонным комитетом вопрос о выделении специальной революционной тройки, которая являлась бы как бы моим заместителем во время моего отсутствия из батальона. Договорившись таким образом с товарищами, я вернулся в свой Гренадерский полк.

Вместе с подпоручиком Никоновым мы решили никуда не отлучаться из полка и расположились в помещении пулеметной команды, где оказалась пара свободных кроватей. Перед тем как ложиться спать, мы обошли все казармы для того, чтобы я мог ближе познакомиться с солдатами и узнать их настроение. В одном месте по просьбе солдат мы сделали даже нечто в роде небольшого митинга, рассказав солдатам, как работает и к чему стремится партия большевиков. Солдаты всюду дружелюбно и ласково нас встречали. Я еще раз почувствовал, что могу быть совершенно за них спокоен. Правда, они не рвались к бою, но зато можно было с уверенностью сказать, что в случае чего они поддержат нас всей своей компактной, сплоченной массой.

Ложась спать, мы не рискнули совсем раздеться и сняли только сапоги, готовые по первой тревоге вскочить на ноги.

На другой день рано утром я позвонил по телефону Подвойскому, чтобы узнать, как обстоят дела и нет ли каких-либо новых инструкций. Подвойский сообщил мне, что момент открытого столкновения с Временным правительством приближается. Временное правительство пытается сконцентрировать вокруг себя преданные ему части и несомненно сделает попытку разогнать Петроградский Совет. Поэтому нужно быть всё время начеку и в полной боевой готовности. Узнав об этом, я немедленно переслал в запасный огнеметно-химический батальон следующее распоряжение:

«В Батальонный и во все ротные комитеты.

Петроградский Совет в опасности. Предлагаю произвести точный расчет поротно всех способных выступить на защиту Петроградского Совета.

Комиссар Зап. Огнеметно-Химического батальона

Прапорщик *Ильин*»

В ответ на это распоряжение я получил следующее отношение, которое до сих пор хранится у меня в моем архиве:

*«т. Комиссару
Из Запасного Огнемётно-Химического батальона.*

По постановлению батальонного комитета выбран временный центральный орган из трех лиц. Вошли: Ермаков, Рогаткин и Чижевский, и мы теперь уже сконструировались. Оружие у нас в порядке. Количество людей — 400 человек налицо. Ваше приказание будет исполнено. Пока всё. Что будет, известим.

Дежурный член *Ермаков».*

Такого же рода распоряжение дал я и в Гренадерском полку, причем выяснил, что по спискам полка в нем значится 1900 солдат, но из них 600 нестроевых, а 300 занято караулами, так что в нужный момент полк выявит всего около тысячи штыков. Всё же и это была довольно внушительная военная сила. Благополучно обстоял вопрос и с вооружением. Винтовок и патронов к ним было вполне достаточно. На всякий случай я записал в свою записную книжку точные цифры имеющегося в моем распоряжении оружия.

Едва я кончил все эти учетные дела, как ко мне прибежал солдат и сообщил, что Временное правительство разводит мосты. Я вскочил на ноги. Мне невольно вспомнились июльские дни, когда Временное правительство с того и начало свой поход против нас, что развело мосты. Разведение мостов мне представилось как бы первым шагом попытки к нашему разгрому со стороны Временного правительства. Неужели Временное правительство опять одержит над нами верх? Нет, теперь уже соотношение сил не то. Весь петроградский гарнизон как один за нас. Нужно только нам самим быть решительнее. И в первую очередь мы никоим образом не должны допускать разведения мостов. Я немедленно вызвал несколько солдат, сформировал из них два патруля и послал один к Гренадерскому, другой к Сампсониевскому мосту — с твердой директивой во что бы то ни стало свести мосты.

— Если будет оказано сопротивление, действуйте оружием, — сказал я им на прощанье. Через несколько

минут один из патрулей вернулся, таща какие-то тяжелые железные предметы.

— Товарищ комиссар, — доложил мне старший, — мы свели мост, а чтоб надежнее было — забрали ключи, которыми сводится и разводится мост. Теперь уже его никак нельзя развести.

За патрульными, кряхтя и ругаясь, тащился старик сторож моста, недовольный тем, что солдаты забрали имущество, вверенное его охране.

— Ничего, дедушка, не беспокойся, — утешал я его, — ключи у нас будут в полной сохранности. Вот мы их здесь положим в полковом комитете, а дня через два-три, когда всё успокоится, вернем тебе обратно.

— Да я ничего... Уж ладно... — проворчал себе под нос старик и, взглянув еще раз на ключи, повернулся к выходу. Такое же распоряжение о присылке в полковой комитет ключей для разводки моста дал я и другому моему патрулю. Скоро весь угол комнаты, где помещался полковой комитет, был завален тяжелыми ключами.

Едва я закончил с этим делом, как меня попросили к телефону. Говорил Подвойский.

— Что, у вас разводятся мосты? — спросил он.

Я рассказал ему подробно, как было дело, и сообщил о сделанных мною распоряжениях.

— Прекрасно, — ответил Подвойский, — ни в коем случае не допускайте разводки мостов. Такая же директива дана всем полкам. Каждый мост мы поручили охране близрасположенного полка. В этом отношении на обязанности Гренадерского полка лежит охрана Сампсониевского и Гренадерского мостов, Троицкий мост охраняет гарнизон Петропавловской крепости, а охрану Тучкова моста мы возлагаем на запасный огнеметно-химический батальон.

Выслушав Подвойского, я немедленно дал распоряжение в запасный огнеметно-химический батальон взять под свое наблюдение Тучков мост и ни в коем случае не допускать его разводки.

Эпизод с мостами интересен и характерен тем, что здесь мы впервые выступили как власть, противопоставляющая себя Временному правительству. Временное правительство дало распоряжение, а мы самочинно, опираясь на вооруженную силу, отменили это распоряжение

и настояли на своем. Этим шагом мы уже непосредственно вступали в борьбу с Временным правительством. Теперь можно было ожидать с его стороны ответного выпада. Вполне вероятно, что оно попытается двинуть против нас те части, которые еще остались ему верными. На всякий случай я решил взять под свое наблюдение Петроградскую сторону и разослал по всем близлежащим к полку улицам патрули с обязательством немедленно сообщить мне, если они обнаружат что-нибудь подозрительное.

Сообщения, которые я получал со всех сторон, вполне подтверждали мои опасения. Временное правительство действительно собирало вокруг себя верные ему части. Таковыми в первую очередь являлись военные училища. Нужно было во что бы то ни стало помешать ему в его планах. Необходимо было воспрепятствовать концентрации войск у штаба Петроградского военного округа. Передо мной в этом отношении становилась совершенно определенная и ясная задача: взять под свое наблюдение Павловское и Владимирское военные училища, которые находились как раз между запасным огнеметно-химическим батальоном и Гренадерским полком. Главную задачу наблюдения я возложил на огнеметно-химический батальон, как ближе к ним расположенный.

Наблюдение за Павловским военным училищем облегчалось тем обстоятельством, что в стенах училища, кроме юнкеров, находилась обслуживающая училище команда солдат, очень небольшая по численности, но в высшей степени революционно настроенная. С этой-то командой я в первую очередь и установил самую тесную связь, позволявшую мне знать всё, что делалось в стенах училища.

Вечером 23 октября ко мне в Гренадерский полк прибежал запыхавшийся солдат этой команды и в волнении сообщил, что Павловское военное училище получило приказ от Временного правительства явиться в полном составе на Дворцовую площадь и юнкера собираются выступать.

Я решил немедленно обследовать положение на месте и, взяв с собой двух членов полкового комитета, прапорщика Гана и еще одного товарища — солдата (оба левые эсеры), поехал в Павловское военное училище.

Подъезжая к училищу, я увидел группы солдат, воору-

женных с ног до головы. В одном месте, прямо на мостовой, посредине улицы стоял пулемет. В темноте осеннего вечера, освещенной лишь яркими газовыми фонарями, картина эта казалась странной и жуткой.

При ближайшем рассмотрении солдаты эти оказались моими химиками. Они радостно приветствовали меня и заявили, что стоят на страже у Павловского училища, готовые принять с ним бой в случае, если юнкера вздумают выступить на поддержку Временного правительства. Лица их сияли отвагой и воодушевлением.

Разговор с химиками сильно поднял мое настроение. Меня порадовало их революционное чутье и инициатива. Ведь фактически я предписал им только вести наблюдение за военными училищами. О намерении Павловского военного училища я сам узнал лишь только что и никакого распоряжения химикам сделать еще не успел. Тем не менее они сами поняли, что им нужно делать, и небольшими силами геройски обложили училище, готовые умереть на своем революционном посту.

С такими солдатами можно было ничего не бояться!

Я простился с химиками и направился в Павловское училище. В помещении команды солдат училища я застал большое волнение. Маленькая комнатка, ярко освещенная небольшой электрической лампочкой, спускавшейся с потолка, была битком набита солдатами, шумно разговаривающими между собой. Председатель комитета с умным и энергичным лицом немедленно поставил меня в курс событий, происходящих в данный момент в училище. Оказывается, получив приказ Временного правительства прибыть на Дворцовую площадь, юнкера собрались уже выступить, но команда солдат училища категорически заявила, что она не допустит выступления и с оружием в руках будет ему противодействовать. Совместно с отрядами Красной гвардии фабрики «Дукат» и химиками они оцепили училище, расставили пулеметы так, чтобы все входы и выходы были под пулеметным обстрелом, и приготовились, несмотря на свою малочисленность, оказать геройское сопротивление выступлению юнкеров. Председатель комитета показал мне набросанную на клочке бумаги маленькую дислокацию расположения отрядов с указанием, где находятся пулеметы. Всё было разумно и носило характер организованности. На лицах же руководителей этой небольшой

кучки смельчаков, противостоявших целому военному училищу, я читал решимость и отвагу. «Юнкеров выступить мы не допустим, — горячо заявил мне председатель комитета, солдат, — скорей согласимся лечь все до одного!» Я обещал ему всемерную поддержку как химиков, так и гренадер.

Узнав, что сейчас как раз происходит заседание училищного комитета, на котором обсуждается вопрос — выступать или не выступать, я немедленно поспешил туда вместе с сопровождавшими меня товарищами. Наше появление в зале, где заседал училищный комитет, вызвало в собрании некоторое движение. Все с удивлением оглядывали нас, не зная, кто мы и зачем сюда пришли. В это время держал слово специально делегированный на это собрание член доживавшего свои последние дни меньшевистского Центрального Исполнительного Комитета Советов какой-то офицер. Он сперва настаивал на немедленном выполнении приказа Временного правительства, но потом, видя, что собрание далеко не единодушно поддерживает его, предложил «согласительную» резолюцию, смысл которой был таков — комитет Павловского военного училища считает нежелательным в данной обстановке выступление юнкеров на улицу, но если Временное правительство настаивает и даст вторично приказ о выступлении, то Павловское училище немедленно его выполнит.

Когда он окончил, я попросил слова. Председатель собрания, осведомившись и узнав, что я являюсь представителем Гренадерского полка, нашел необходимым запросить прежде собрание о согласии предоставить мне слово. Таковое согласие было дано.

Я сильно волновался, так как знал, что если мне не удастся убедить их словами, то придется в буквальном смысле слова вступить с ними в бой. Об этом я прямо и открыто заявил им с первых же своих слов. Я сказал, что если над нами сейчас висит опасность гражданской войны, то их выступление положит тому первый шаг. Гренадерский полк наготове. Мы не можем допустить выступления юнкеров на улицу, и мы этого не допустим.

Товарищи мои по Гренадерскому полку выступили после меня. Они указывали на то, что если весь петроградский гарнизон принял определенное решение не вы-

ступать на улицу по распоряжению Временного правительства, то выступление юнкеров будет шагом неволевым, дезорганизирующим, ставящим юнкеров в особое положение по отношению к остальным частям.

После нашего выступления вопрос почти немедленно был поставлен на голосование, результаты которого весьма характерно показали колебание и нерешительность юнкеров. Человека три было за выступление, человек пять против и человек восемнадцать воздержавшихся. Пробовали было переголосовать, но результат получился приблизительно такой же. Тогда постановили считать результат голосования окончательным.

Закрывая собрание, председатель предложил приветствовать товарищей гренадер от имени Павловского военного училища. Жидкие аплодисменты были ему ответом.

Уезжая, я посоветовал команде солдат училища и впредь держать связь с близрасположенным от нее запасным огнеметно-химическим батальоном, а комитету последнего поручил держать училище под постоянным наблюдением и быть готовым всегда оказать команде солдат нужное содействие. Связь эта продолжалась и еще сыграла свою роль в последующих событиях.

На другой день, 24 октября, положение выяснилось с достаточной ясностью. На вызов Временного правительства явились лишь ничтожные кучки юнкеров и солдат разного рода оружия. Было совершенно очевидно, что весь петроградский гарнизон стоит на стороне Петроградского Совета. Группируя сведения, поступившие ко мне со всех сторон, я составил себе такую картину количества войск, прибывших к Зимнему дворцу на защиту Временного правительства:¹

- 1) два отделения Михайловского военного училища;
- 2) 700 юнкеров Петергофской школы прапорщиков;
- 3) 300 человек Ораниенбаумской школы прапорщиков;
- 4) три роты (около 500 человек) Гатчинской школы прапорщиков;
- 5) 200 человек ударного женского батальона;
- 6) 200 казаков. Всего по моим расчетам выходило около двух тысяч человек. Это была вся та несметная рать, которую Временное правительство смогло противопоставить Петроградскому Совету. Понятно, что дальше ждать

---

¹ Цифры эти взяты из моей записной книжки того времени. (Примеч. автора.)

было бы смешно, и Петроградский Совет приступил к активным действиям по свержению Временного правительства и захвату власти в свои руки. День 24 октября явился первым днем вооруженного восстания Петроградского Совета против Временного правительства.

Я всё время держал тесную связь с Военно-революционным комитетом и следил за развертыванием событий и нашего наступления на Зимний дворец. Гренадерский полк не был привлечен к активным операциям. Военно-революционный комитет решил оставить его в резерве, считая, что он и так был достаточно потрепан в июльские дни. Помню, уже начинало темнеть, когда раздался первый пушечный выстрел. Это холостым зарядом выстрелила «Аврора», вошедшая в устье Невы и ставшая напротив Зимнего дворца. Я шел в это время по двору, а впереди меня двигался какой-то солдат. От неожиданности он споткнулся и выругался. «Чёрт возьми! — проворчал он, — у нас тут своя война». Вслед за пушечным выстрелом раздался треск пулемета. Повидимому, сражение разыгралось вовсю. Я сейчас же поспешил в полковой комитет и нарядил одного солдата к штабс-капитану Дзевалтовскому, который являлся одним из руководителей операций у Зимнего дворца. Дзевалтовский, недавно прибывший с фронта, был тоже офицером Гренадерского полка и потому держал связь с полком, который он считал своим. В данном случае я поручил солдату узнать от Дзевалтовского, как обстоят дела и не нужно ли ему подкрепления. Одновременно я распорядился держать половину полка в полной боевой готовности. Солдат вскоре возвратился и сообщил со слов Дзевалтовского, что всё обстоит благополучно, части, находящиеся в Зимнем дворце, постепенно сдаются и что он направляет к нам для содержания под стражей свой первый трофей — женский ударный батальон.

Было уже совсем темно, когда женщины-ударницы, окруженные конвоем, вступили на территорию Гренадерского полка. Я впервые видел женщин-ударниц и потому с особенным интересом приглядывался к ним. В общем они производили довольно-таки жалкое впечатление. По стриженным головам и простым, грубым обветренным лицам их можно было принять за молодых солдат, но сразу же бросался в глаза их низкий рост (по сравнению с гренадерами они казались прямо карликами), маленькие

ручки и так нелепо выглядевшие в обмотках толстые ноги. С тремя из них, в том числе с их командиром, тотчас же по их приходе сделались обмороки. Мы кое-как дотасовали их до помещения полкового комитета, посадили здесь на стулья и дали воды. Постепенно они пришли в себя.

— Эх, не нужно бы вам воевать! — невольно вырвалось у кого-то из солдат.

— Да разве мы знали, — горячо заявила командир отряда, — нас обманом завлекли на Дворцовую площадь. Мы получили предписание явиться туда для парада, а вместо этого оказались впутанными в какую-то войну.

Я переглянулся с членами полкового комитета. Вот к каким средствам принужден был прибегать Керенский для того, чтобы поддержать свою падающую власть.

Однако ударниц нужно было где-то разместить. Я произвел расчет, их оказалось 138. Арестное помещение при полку для такого количества пленниц было, конечно, слишком мало. Вместе с председателем полкового комитета тов. Федоровым мы выбрали пустую изолированную казарму и поместили ударниц там, поставив у дверей надлежащий караул. На другой день я получил распоряжение от Военно-революционного комитета освободить ударниц и предоставить им возможность следовать на Финляндский вокзал для дальнейшего направления в свои казармы на станцию Левашево. Я тотчас же объявил им об этом, и они радостно засуетились и начали собираться и строиться, приготавливаясь в путь-дорогу. Буржуазная печать впоследствии писала, что пленные ударницы подверглись всякого рода истязаниям, а часть их была изнасилована. Всё это, конечно, совершеннейший вздор. Когда ударницы были уж в сборе, ко мне явилась от них специальная делегация и поблагодарила за хорошее и товарищеское к ним отношение.

Я искренно пожал им руки и пожелал счастливого пути. Скоро их небольшая серая колонна скрылась за массивными воротами казарм запасного Гренадерского полка.

Итак, переворот совершился. Министры Временного правительства, за исключением Керенского, были арестованы, и Петроградский Совет прочно держал власть в своих руках. Совместно с тов. Федоровым мы решили

созвать полковой комитет для того, чтобы выявить его отношение к происходящим событиям. На это собрание Федоров решил пригласить и командира полка. Любопытно, что с того момента, как я появился в полку, командир его словно сквозь землю провалился. Я самочинно распорядился полком, рассылал патрули, держал в полку арестованных, а подлинный хозяин полка, его командир, ничем не выявлял своего присутствия. На первый взгляд, это могло показаться странным. Но хитрый командир полка знал, как ему нужно себя вести, и действовал вполне обдуманно и со своей точки зрения даже разумно. В самом деле, что ему было делать? В душе он несомненно сочувствовал Временному правительству и по долгу службы должен был ему подчиняться. С другой стороны, он ясно видел, что сила на нашей стороне и попытка его выступить в полку против меня повела бы только к его собственной дискредитации. Поэтому он предпочел пока что вовсе устраниваться с поля действия и выждать — чья возьмет, чтобы потом присоединиться к той стороне, которая победит.

На заседание полкового комитета он явился туго затянутый и парадный, но взволнованный, так как не знал как следует, для какой цели его пригласили. Во время заседания, когда ораторы один за другим стали высказываться в пользу совершившегося переворота, он сидел как на иголках и, видно заранее, приготавливал ту речь, которую ему придется сказать. Он, конечно, понимал, что сейчас победили большевики и если он хочет остаться командиром полка, ему тоже нужно высказаться в пользу переворота, но в то же время всё его офицерское нутро протестовало против этого. Несомненно, скрываясь всё это время, в глубине души он надеялся, что верх одержит всё-таки Временное правительство и тогда он припомнит кому нужно это временное умаление своего престижа. Но случилось то, чего ни он, ни многие другие лица его круга не ожидали — победили большевики.

Неизвестно, долго ли бы еще просидел так в волнении командир полка, если бы его имя не упомянул кто-то из членов полкового комитета.

— А интересно было бы услышать, — заявил один из товарищей, оканчивая свою речь, — как относится к совершающимся событиям наш командир полка.

Полковник, как пружинка, вскочил со своего места и

эффектно повернулся на каблучке к задавшему ему вопрос товарищу.

— Как же мне относиться к этой революции, — как-то крикливо, стараясь быть развязным, заявил он, — когда это подлинно народная революция. Я вчера видел такую картину. У Зимнего дворца стрельба. Стреляют даже из орудий, а по Троицкому мосту спокойно идет трамвай и прохожие спешат каждый по своему делу, как будто совершается что-то вполне естественное и нормальное. Нет, это подлинно народная революция, и я приветствую ее!

Не думаю, чтобы кому-нибудь из присутствующих показались убедительными доводы полковника, но его больше не трогали. Важно было то, что в этот момент он не пошел вразрез с общим настроением полка, и поэтому ему охотно простили некоторую нескладность его речи. Заседание скоро закончилось, и полковник, видимо успокоенный, покинул помещение полкового комитета.

Между тем под Петроградом назревали новые события. Керенский, бежавший из Зимнего дворца, убедил казачьего генерала Краснова двинуться вместе со своим отрядом на Петроград для того, чтобы военной силой восстановить власть Временного правительства. Об этом я узнал и от Военно-революционного комитета и... непосредственно от генерала Краснова.

Произошло это таким образом. Я сидел в помещении полкового комитета, когда из канцелярии полка пришел писарь и принес какой-то листок с напечатанным на пишущей машинке текстом. Я заинтересовался: что это такое? Оказалось, что это воззвание генерала Краснова, призывающее полки петроградского гарнизона расправиться с большевиками и присоединиться к его отряду. Я так и подскочил на месте. Воззвание Краснова свободно разгуливает по Петрограду и даже попадает в воинскую часть. Я сейчас же бросился в канцелярию полка расследовать это странное обстоятельство. Оказывается, это воззвание было непосредственно передано из штаба генерала Краснова по телеграфу или телефону, сейчас не помню, как.

— Что же вы с ним сделали? — спросил я.

— А мы его приняли, перепечатали на машинке в двух экземплярах и передали один — командиру полка, другой — в комитет.

— Больше никуда не давали?

— Никак нет!

— Ну так вот что, дорогие товарищи, — сказал я, — больше никаких воззваний из штаба генерала Краснова не принимать. Он объявлен врагом народа, и всякие сношения с ним я буду считать изменой.

— Слушаюсь, — ответил за всех делопроизводитель канцелярии, но по его лицу и по лицам всех остальных писарей я видел, что на эту публику полагаться особенно не следует. Эти лощеные, окопавшиеся в тылу хозяйские сынки, конечно, не сочувствовали перевороту и несомненно сознательно приняли и передали по назначению воззвание Краснова. «Ничего себе порядочки! — думал я, возвращаясь к себе в полковой комитет, — генерал Краснов идет против нас вооруженной силой и в то же время беспрепятственно разговаривает с петроградскими полками». Я тотчас же позвонил в Военно-революционный комитет, сообщил о полученном воззвании и обратил внимание на предательскую работу наших органов связи.

Параллельно с наступлением на Петроград генерала Краснова началась концентрация контрреволюционных элементов внутри столицы. Несомненно, что эти элементы находились в самом тесном контакте со штабом красновских войск. Я постоянно держал наготове дежурную половину полка. Патрули, попрежнему рассылаемые мною, зачастую приводили ко мне контрреволюционных агитаторов и вообще подозрительную публику. Помню, один патруль привел ко мне какого-то интеллигентного солдата «смертника»,¹ агитировавшего против Советской власти. Он был одет во всё черное, а на фуражке у него красовалось изображение черепа и двух перекрещивающихся человеческих костей.

— Почему вы утверждали, что Советская власть доживает свои последние часы? — спросил я его.

— Очевидно, у меня есть к тому основание, — нахально глядя мне в лицо, ответил он. Я отправил его на полковую гауптвахту, надеясь на досуге поближе познакомиться с ним. Но увы! На следующее же утро ка-

---

¹ Особая разновидность ударных батальонов, сформированных Керенским для наступления против Германии, а отчасти несомненно и в контрреволюционных целях. (Примеч. автора.)

раульный начальник сообщил мне, что решетка в его камере перепилена и он скрылся неизвестно куда. Мне было очень жаль, что такая интересная птица вылетела из моих рук.

В особенности внимательно стал я наблюдать за Владимирским и Павловским военными училищами. Со стороны этих училищ в первую очередь можно было ожидать всякого рода неприятностей. Главным образом меня беспокоило Павловское военное училище, так как Владимирское, по имевшимся у меня сведениям, было более демократично по составу юнкеров и преподавательского персонала. Однако события показали иное и удар последовал как раз со стороны «демократического» Владимирского военного училища. Впрочем, об этом речь будет еще впереди.

Когда генерал Краснов занял Гатчину и стал продвигаться дальше, я в одном из своих телефонных разговоров с тов. Подвойским спросил:

— Не следует ли двинуть против Краснова также и мой Гренадерский полк?

— Не беспокойтесь, — ответил мне на это тов. Подвойский, — ваш полк потребует еще и здесь.

И действительно, в тот же день я получил приказ от Военно-революционного комитета войти в контакт с Петропавловской крепостью и разоружить юнкеров. Получив приказ, я сейчас же отправился в Петропавловскую крепость переговорить о том, как лучше и безболезненней провести эту операцию. Комиссара Петропавловской крепости тов. Благодравова не было, и я направился к его помощнику Тер-Арутюнянцу, которого я хорошо знал по совместной работе в военной организации. Бедный Тер-Арутюнянец так измотался за последние бурные дни, что его прямо узнать было нельзя. От усталости он заснул, сидя в кресле перед столом, за которым работал. Окружающие двигались рядом на цыпочках и говорили шепотом, боясь его потревожить. Мне жаль было будить его, но дело не ждало, и я заставил его сбросить с себя дремоту.

Прочтя еще раз совместно приказание Военно-революционного комитета, мы стали обсуждать, как нам действовать. Я высказал свое соображение, что главную опасность для нас представляет Павловское военное училище, а потому разоружение необходимо начинать с него.

Однако задача разоружения облегчается для нас тем обстоятельством, что внутри этого училища у нас есть ценный союзник, а именно команда солдат училища, в верности и преданности которой я уже успел убедиться. С этой командой я нахожусь в постоянной связи, а потому и сейчас думаю провести разоружение, опираясь, главным образом, на эту команду. Тер-Арутюнянц одобрил мой план и обещал со своей стороны поддержку всеми наличными силами крепости. Вернувшись к себе в полк, я, прежде всего, стал вести переговоры с командой солдат Павловского военного училища. Они приветствовали идею разоружения юнкеров и заявили, что могут провести это собственными силами, если я позволю им воспользоваться некоторой частью своих химиков, с которыми они находятся в постоянном контакте.

Я сильно беспокоился за успех этой операции, однако она прошла у них великолепно. Юнкера были разоружены, окружены конвоем и направлены под арест, ко мне в запасный гвардии Гренадерский полк.

Как сейчас, помню вечер дождливого осеннего дня и длинную колонну юнкеров, окруженную конвоем и робко глядящую вперед навстречу неизвестному будущему. Может быть, некоторые из юнкеров ожидали даже той или иной расправы с нашей стороны. Однако я разместил их более или менее прилично в том же помещении, где незадолго перед тем находились в заключении женщины-ударницы. Когда дней через пять обстановка изменилась и юнкеров можно было освободить из-под ареста, правда, с обязательством немедленно отправляться по домам, ко мне опять, так же как и от женщин-ударниц, явилась делегация поблагодарить от имени всех юнкеров за хорошее к ним отношение.

Пока я так возился с павловцами, во Владимирском училище назревали крупные события. Эсеровские агитаторы убедили юнкеров восстать и поддержать наступающего на Петроград генерала Краснова. В ход была пущена даже ложь. Так, юнкеров уверили, что Краснов со своими войсками находится уже около Нарвских ворот.

Как раз накануне выступления ко мне звонил назначенный Петроградским Советом комиссар этого училища, по фамилии, если не ошибаюсь, Лебедев, и, сообщив, что в училище наблюдается некоторое брожение,

просил прислать ему на всякий случай команду химиков. Я немедленно сделал соответствующее распоряжение, команда химиков в училище была действительно послана и, как мне стало потом известно, приняла на себя первый удар восставших юнкеров.

Помню я эту тревожную ночь, когда юнкера восстали. Я спал, как и всё это время, одним глазом и, конечно, не раздеваясь. Проснулся я от шума шагов и быстро вскочил с кровати. Прибежавший химик в волнении сообщил мне, что юнкера только что пытались обезоружить отряд химиков, присланный мною, но те оказали сопротивление и теперь идет перестрелка. На поддержку химикам прибыла еще команда из батальона, однако юнкеров больше и химики несут потери. Я немедленно поднял на ноги дежурную половину полка. Оказалось всего 200 человек, но я полагал, что этого числа достаточно. Во главе отряда я поставил подпоручика Никонова, как единственного в полку офицера-большевика. На левых эсеров в таком серьезном деле я положиться опасался.

Рассвет еще чуть брезжил, когда отряд выступил на улицу.

Из донесений, которые ко мне поступали, я знал, что отряд немедленно по прибытии ко Владимирскому военному училищу вступил с юнкерами в бой.

Сначала тов. Никонов хотел атаковать помещение училища с фасада, но, увидев, что это чрезвычайно трудно, поставил заслон, а сам с частью отряда зашел с другой стороны и стал через соседний дом пробираться юнкерам в тыл.

Чтобы лично осмотреть расположение борющихся сил, я вместе с председателем полкового комитета тов. Федоровым отправился на место. Когда я прибыл туда, на нашей стороне были уже броневики и давало свои первые выстрелы знаменитое орудие, которое и заставило, в конце концов, юнкеров сложить оружие. Тут же находился назначенный Петроградским Советом комендант города — левый эсер прапорщик Нестеров, человек невысокого роста, с целой шапкой волос, спускавшихся на плечи.

Выяснив положение и убедившись в том, что поддержки высланному отряду, по крайней мере в ближайшее время, не потребуется, я направился обратно в казармы полка.

По дороге у меня произошла любопытная, но очень печалившая меня встреча. На углу Шамшевой улицы и Большого проспекта Петроградской стороны я увидел покупающим газеты своего бывшего законоучителя, священника Введенской гимназии, где я когда-то учился, Николая Михайловича Гурьева. Я поздоровался с ним и тут только увидел, что он не один. Рядом с ним стоял мой бывший одноклассник и товарищ по нелегальной революционной работе Владимир Владимирович Пруссак. Я только второй раз видел его по возвращении из ссылки и потому, естественно, обрадовался.

— А, Володя! — радостно сказал я и подошел к нему, протягивая ему руку. Но, увы! моя радость не нашла соответствующего отклика в его душе. Он не двинулся с места и, засунув руки в карманы, как-то исподлобья посмотрел на меня.

— А ты в Смольном работаешь? — неожиданно задал он мне вопрос.

— Да, работаю, — ответил я.

— В таком случае я не могу подать тебе руки, — сказал он и еще глубже засунул руки в карманы. Я громко выругался и, не говоря ни слова, направился дальше.

Этот эпизод в глубокой степени огорчил меня. С Пруссаком мы когда-то были большими друзьями. Вместе работали в нелегальной межученической организации, вместе были арестованы 9 декабря 1912 года по «витмеровскому» делу, и только потом наши пути разошлись. Я уехал за границу, а он был вновь арестован по делу «революционного союза», судился и получил бессрочную ссылку в Сибирь. Революция вернула его обратно в Петроград. И вот теперь такая встреча!

Я еще раз убедился в одном непреложном факте. В годы моей подпольной работы в 1910, 1911, 1912 гг. среди петербургской учащейся молодежи, в особенности среди школьной, большим успехом пользовались анархические и другие подобного же рода бесформенно-революционные течения. На первый взгляд, казалось, что представители этих течений ничем не отличаются от нас, социал-демократов. Действительно, они также работали, организуя рабочий класс на борьбу с самодержавием и предпринимателями, они также арестовывались, также садились в тюрьмы и подвергались всякого рода другим преследованиям. На словах они даже заявляли, что счи-

тают себя левее нас. Но всё это было до поры, до времени. Едва наступили такие серьезные испытания, как война и революция, как они в огромном своем большинстве покатались по наклонной плоскости. Отсутствие целостного мирозерцания дало себя знать. Только социал-демократы большевики, вооруженные марксистско-ленинским методом, сумели разобраться в событиях и сохранили ясную голову и ту же сплоченность партийных рядов. Размышляя об этом, я незаметно дошел до казарм Гренадерского полка.

Между тем обстрел из единственного орудия, которое имели осаждающие, оказал свое влияние на юнкеров и они сдались. Отряд гренадер первый вступил в помещение Владимирского училища, и командир его тов. Никонов был назначен комендантом училища.

Узнав, что юнкера сдались, я немедленно выехал в помещение училища, опасаясь, как бы пленные не сделались жертвой самосуда. Мои опасения оправдались. На Большом проспекте Петербургской стороны я увидел следующую картину. Посредине улицы двигались юнкера, окруженные конвоем, а кругом них шумела и волновалась толпа, требуя немедленно над ними казни. Возбуждение толпы было так велико, что у Тучкова моста продолжать конвоирование пленных было уже небезопасно, и пришлось остановиться, отвести юнкеров в Петровский парк, поставить на мосту крепкий заслон и подождать успокоения толпы.

С большим трудом удалось довести юнкеров до места заключения.

Одновременно с подавлением восстания юнкеров был нанесен и решительный удар отряду генерала Краснова. Мало того, Краснов и весь его штаб оказались захваченными в плен советскими войсками. Только Керенскому опять удалось сбежать и скрыться. Однако Краснов не долго пробыл под арестом. Доставив его в Петроград, Военно-революционный комитет вскоре освободил его под честное слово, что он не поднимет больше оружия против Советской власти. Это было более чем наивно. Как будто в гражданской войне для тех, кто борется против освобождения рабочего класса, может существовать какое-то честное слово. Конечно, Краснов тотчас же по освобождении поспешил на юг и там принял самое активное участие в организации белогвардейских армий и

борьбе их против Советской власти. Впрочем, в то время мы вообще страдали избытком прекраснотушия и повторяли почти буквально ошибки Парижской Коммуны, за которые она когда-то так жестоко поплатилась. Разве не ошибкой, например, было освобождение нами отдельных юнкеров и даже целых юнкерских училищ, о которых я только что рассказывал. Ведь известно, что большинство этих юнкеров также преспокойно уехало на юг и там составило ядро, вокруг которого формировались белогвардейские части, действовавшие потом против нас. А буржуазные газеты? Ведь как долго мы не решались посягнуть на «священную» свободу слова. Газеты эти изо дня в день чуть не плевали нам в лицо, поливая нас потоками клеветы и грязи и открыто призывая к вооруженному против нас выступлению, а мы всё терпели и только месяца через два спохватились и догадались засыпать эту вонючую помойную яму.

Уроки Парижской Коммуны во многих отношениях были основательно нами забыты. Потребовалась большая встряска — убийство ряда наших вождей, открытое выступление против нас белогвардейских банд, чтобы мы научились, наконец, быть суровыми и беспощадными.

После ликвидации красновского наступления начались споры и толки вокруг формирования нового правительства. Наша партия сформировала чисто большевистский кабинет, но не возражала против вступления в него определенного количества левых эсеров. Левые же эсеры выставили лозунг объединенного социалистического кабинета с привлечением в него правых «социалистических» партий. Вокруг этого вопроса возникла полемика, которая очень скоро перекинулась к нам в полки.

31 октября ранним утром я получил следующую записку от секретаря нашего большевистского коллектива запасного огнеметно-химического батальона тов. Соловьева:

«Тов. Прапорщик!

Вам необходимо бы быть сейчас в 9 час. утра на общем собрании, т. к. на вчерашнем собрание разбилось надвое и ни к чему не пришло. Возможно, пройдут резолюции оборонцев.

Секретарь *Соловьев*

31.X.17 г.»

Я, конечно, сейчас же поспешил на собрание, где мне одному из первых было предоставлено слово. Я говорил довольно долго. Рассказал о перипетиях борьбы с Временным правительством, сообщил о формировании рабоче-крестьянской власти и подробно остановился на разборе первых декретов Советского правительства о мире, земле и рабочем контроле. В заключение я остановился на тех трениях, которые возникли у нас за последнее время с левыми эсерами. Нам предлагают заключить блок с правыми социалистическими партиями и образовать единое социалистическое правительство. В принципе мы не возражаем против такого рода объединения, но вопрос в том, на какой платформе объединяться. Нам говорят, сперва объединимся, а потом поговорим о платформе. На это мы не согласны. Нас хотят просто столкнуть с того пути реформ, на который мы вступили. Мы говорим так — сперва установим платформу, а потом увидим, с кем мы можем объединиться. Наша платформа ясна. Мы уже приступили к осуществлению основных требований рабочего класса. От своей задачи мы ни за что не отступим. Как ни лестно нам заседать совместно с «почтенными» меньшевиками и эсерами, но для этого мы не поступимся интересами рабочего класса. Кто согласен с общим направлением нашей работы, милости просим работать вместе с нами. Кто не согласен — скатертью дорога. В этом случае ни о каком объединении, конечно, не может быть и речи.

Трудно передать тот энтузиазм, который охватил солдат, когда я закончил свою речь. Мой заключительный возглас: «Да здравствует власть рабочих и крестьян!» — был покрыт громовым «ура». Я не успел оглянуться, как очутился на воздухе, подхваченный десятками дюжих солдатских рук. Больше никто не выступал на этом собрании, и резолюция, приветствующая образование новой рабоче-крестьянской власти, была единогласно принята всеми присутствующими. Этим огнеметно-химический батальон еще раз подтвердил свою политическую сознательность. Приняв активное участие в октябрьском перевороте, он и в дальнейшем проявил себя стойким и надежным защитником Советской власти.

Несколько иная картина наблюдалась, к сожалению, в запасном гвардии Гренадерском полку. Как я уже говорил, комитет этой части состоял почти сплошь из левых

эсеров. И тут-то ненадежность этих «друзей» сказалась в своей полной мере. Они определенно гнули свою линию, причем доходили до того, что не гнушались даже прибегать к довольно-таки некрасивым средствам.

Прежде всего это выявилося как раз в тот же самый день, когда происходило только что описанное мною собрание в запасном огнеметно-химическом батальоне. Ранним утром, когда я собрался уже идти на это собрание, я случайно узнал, что как раз на это же самое время тов. Федоров созывает собрание полкового комитета. До сих пор я неизменно присутствовал на всех заседаниях комитета, и, таким образом, это было первое собрание, которое мне приходилось пропустить.

— Почему вы собираете комитет? — обратился я с вопросом к тов. Федорову.

— Да видите ли, есть целый ряд неотложных хозяйственных вопросов, — ответил он мне.

— А не лучше ли отложить собрание до моего возвращения. Мне бы не хотелось пропускать его.

— Нет, — уверил меня тов. Федоров, — вы можете вполне не присутствовать на этом собрании. Обсуждаться будут исключительно хозяйственные вопросы. Отправляйтесь себе спокойно в огнеметно-химический батальон.

Однако, когда я вернулся обратно в полк и взглянул в протокол заседания комитета, я буквально схватился за голову. На первом месте протокола стояла резолюция, принятая комитетом полка по вопросу о текущем моменте. Резолюция эта носила определенно эсеровский характер. В ней выявлялось недовольство по поводу образования правительства «одной партии» и высказывалось мнение, что спасти страну может только правительство, составленное из представителей всех социалистических партий. Вне себя я бросился к тов. Федорову и потребовал от него объяснений, что всё это значит. Он вначале смутился, но потом объяснил мне, что вопрос выплыл совершенно «случайно», резолюция же эта является продуманным решением полкового комитета. Конечно, он наглým образом врал, но что я мог с ним поделать.

Другой раз тот же Федоров заявил мне, что полковой комитет хочет устроить в полку большой митинг с привлечением представителей всех социалистических партий. Я, конечно, не возражал против устройства такого рода митинга. В назначенный час, когда солдаты начали

уже мало-помалу заполнять манеж, предназначенный для митинга, я поинтересовался узнать, представители каких партий явились к нам в полк для выступления. Каково же было мое удивление, когда я узнал, что явилось четыре оратора и все сплошь эсеры.

— Зачем такое количество эсеров? — удивился я. — А где же большевики?

— Очевидно, они не потрудились явиться, — ответил мне тов. Федоров.

— Неужели большевики не захотели выступить в Грендерском полку? — спросил я.

— Нет, — нагло глядя на меня, ответил тов. Федоров, — большевиков мы не приглашали. Мы считали, что от большевиков будете выступать вы.

— Ну уж извините, — возмутился я, — если вы приглашаете представителей всех партий, потрудитесь пригласить и большевиков. Мне трудно выступать против оппонентов, так как я целиком погряз в делах полка и не вполне в курсе последних событий. Без представителя большевиков я митинга не открою.

Тов. Федоров, ворча что-то себе под нос, пошел делать соответствующие распоряжения, а я отправился в Офицерское Собрание посмотреть на прибывших эсеровских агитаторов. Вскоре меня догнал и тов. Федоров. В Офицерском Собрании разыгрался весьма любопытный эпизод, о котором я до сих пор не могу вспомнить без улыбки. Среди эсеровских агитаторов я неожиданно для себя увидел одетого в матросскую форму старого школьного товарища — Лазаря Алянского. Алянский был причастен к революционному движению, но партийным эсером и тем более агитатором в дореволюционное время он никогда не был. Удивило меня также и то, почему он одет в матросскую форму. До войны он, будучи исключенным из петербургской гимназии, учился в Париже, а во время войны при призывах постоянно получал отсрочки по состоянию своего здоровья. Я был так ошеломлен, увидев Алянского, да еще в таком костюме, что остановился на месте и воскликнул:

— Лазарь! А ты-то что здесь делаешь!

Такое обращение с моей стороны повидимому очень не понравилось Алянскому. Он весь как-то съежился, еще глубже засунул руки в карманы своего бушлата и, мрачно глядя на меня, сказал:

— С изменником родины и революции не желаю разговаривать.

Это взорвало меня. Как никак, мне было нанесено оскорбление, да еще в присутствии моих солдат. Однако я не желал сам предпринимать против него каких-либо мер, а потому заявил, обращаясь к присутствующим здесь членам полкового комитета и, в первую очередь, к тов. Федорову:

— Товарищи! Вы слышали, как меня, представителя Петроградского Совета, оскорбил здесь сейчас представитель партии эсеров. Я апеллирую к вам. Я прошу, чтобы вы избавили меня от необходимости выслушивать подобные вещи.

Однако как же можно было ожидать, чтобы эсер пошел против эсера! Федоров промямлил что-то несвязное, пытаясь примирить нас, и остальные члены комитета не двинулись в мою защиту. Я плюнул и пошел к себе в полковой комитет. «Ничего, — думал я, — подождите, когда начнется митинг, я доведу до сведения солдат об этом инциденте». Однако мне не пришлось ждать так долго. Оказывается, при этой сцене присутствовало несколько солдат, сочувствующих большевикам. Они сейчас же побежали в манеж, где уже почти весь полк был в сборе, и рассказали об оскорблении комиссара полка и недопустимом поведении председателя полкового комитета. Это сообщение вызвало целую бурю негодования. Весь зал стонал от возмущенных криков: «Вон!», «Долой!», «Не желаем теперь слушать этих мерзавцев!». Нечего делать. Полковому комитету пришлось в вежливой форме передать «бедным» эсерам, что солдаты не желают их слушать и что во избежание еще большего скандала им лучше поторопиться со своим уходом.

Однако дело этим не кончилось. Общее собрание, самочинно открывшееся, пригласило прийти в манеж меня и Федорова, и здесь вместо митинга началось настоящее судебное разбирательство. Один за другим выходили ораторы и «крыли» председателя полкового комитета за то, что он допустил в помещении полка оскорбление комиссара, назначенного Петроградским Советом. Возбуждение собрания было так велико, что раздавались крики, требовавшие не только смещения тов. Федорова, но даже его ареста. Взволнованный, бледный вышел давать свои объяснения тов. Федоров. Он указал на то, что всё время

работал в полном контакте с комиссаром, а в данном случае просто не расслышал (?!), когда я обращался к нему за защитой. Конечно, это объяснение не выдерживало никакой критики. Достаточно было бы одного моего слова — и он был бы смещен с должности председателя полкового комитета. Но я подумал, кем же его заменить? Подпоручик Никонов попрежнему комендантовал в своем Владимирском училище, а кроме него не было никого, кто бы одновременно был близок нам в идеологическом отношении и в то же время пользовался в полку авторитетом. Нет, пусть уж остается тов. Федоров. Может быть, этот урок послужит ему на пользу.

Поэтому я взял слово и сказал, что, конечно, случай сам по себе несомненно возмутителен, но возможно, что тов. Федоров и действительно не слышал моего к нему обращения. Смещать тов. Федорова не стоит, так как мы до сих пор всё время работали с ним в контакте. Ограничимся тем, что было высказано на этом собрании, и будем считать этот вопрос исчерпанным.

Когда я кончил, я увидел, что тов. Федоров смотрит на меня благодарными глазами. Действительно, собрание еще немного поволновалось, но в результате приняло мое предложение.

Митинг о текущем моменте всё же состоялся на следующий день. Не знаю, хотел ли полковой комитет сделать мне приятное, или это вышло невольно, но на этот раз из «представителей партий» был только один большевик — Николай Николаевич Кузьмин. Он сделал обстоятельный доклад, и собрание единогласно приняло предложенную им большевистскую резолюцию. Сидя на этом митинге, я даже и не подозревал, что этот день является последним днем, который я провожу в запасном гвардии Гренадерском полку. А между тем это было так. Вечером этого дня произошло событие, которое направило мой жизненный путь на новые рельсы.

Не помню, чем я был занят, когда к воротам Гренадерского полка подъехали извозчицы дрожки. Это был мой брат Раскольников. Быстро войдя в помещение полкового комитета и видя, что кругом никого нет, он прямо приступил к делу.

— В Москве, — сказал он, — сейчас происходят бои между войсками Московского Совета и Временного пра-

вительства. В ход пущена даже артиллерия. Петроградский Совет посылает сейчас туда отряд для помощи нашим товарищам. Ударной группой отряда является отряд матросов под моим начальством. Но, к сожалению, в нашем отряде нет ни одного боевого офицера. Не согласишься ли ты отправиться вместе с нами? Подвойский согласен.

Я подумал: в Петрограде как будто всё успокоилось и в ближайшее время нельзя ожидать каких-либо волнений; между тем в Москве лилась кровь; там была нужна наша помощь. И я дал свое согласие. На тех же дрожках, на которых приехал брат, мы отправились с ним в Смольный урегулировать вопрос о моем заместителе в Гренадерском полку и получить дальнейшие инструкции. Однако это уже выходит за пределы настоящего очерка. Октябрьская революция, как таковая, закончилась. Начался новый период — первые этапы гражданской войны.

